

Японская казарма.

Въ сильно сжатомъ видѣ мы воспроизводимъ своеобразную статью подпоручика запаса Коике подъ заглавіемъ: «Обратная сторона казармы—жизнь молодого солдата», считая для насъ интереснымъ ознакомиться съ атмосферой и темпомъ жизни японской казармы.

Оригиналъ помѣщенъ въ газетѣ «Нироку», одной изъ тѣхъ, редакціи коихъ 10-го февраля с. г. пострадали за подозрѣваемую приверженность къ партіи генерала князя Кацура.

П. Р.

1. Въ пути.

«Да здравствуетъ годовичный вольноопредѣляющійся Сейици Коике!» красовалось яркими, крупными іероглифами на проводныхъ флажкахъ впереди процессіи моихъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и сосѣдей, смѣшанною толпою степенно подвигавшейся по городскимъ улицамъ. Возстановилось и мое душевное равновѣсіе,

но, когда послѣ многократныхъ прощальныхъ ура! нашъ поѣздъ тронулся со станціи Ріооку, сердце опять какъ-то замерло....

Въ вагонѣ новобранцевъ и сопровождающихъ—порядкомъ, но лица все незнакомыя. Изъ своихъ лишь достойные сожалѣнія мои родители, не пожелавшіе отпустить своего единственного сына въ неизвѣстный міръ одного и помѣстившіеся въ одномъ со мною купе.

Начинаю присматриваться къ спутникамъ: одежда разнообразная, но по виду, преимущественно, мастеровые и рабочіе; должно быть, артиллеристы и кавалеристы Конодай, Нарасимо и Симосидзу. Вѣроятно, и мои будущіе товарищи по Сакураскому полку такіе же коренастые молодцы, какъ эти; и съ такими грубоватыми дѣтинами, при ружьѣ и штыкѣ, имѣя порою 1¹/₂ пуда за плечами, мнѣ, значить, придется продѣлывать дневные переходы въ 35—50 верстъ! Какъ-то завидно становится при мысли о своей физической щуплости. Вотъ мой сосѣдъ справа, мужчина лѣтъ 28—29, по виду мастеровой, съ болтающейся на шеѣ звѣриною шкурою, заводитъ разговоръ.

— Ну и времена были, когда я поступалъ въ полкъ! Солдаты третьяго года службы только что вернулись съ китайской кампаніи и, побывавъ подъ свинцовымъ дождемъ, сдѣлались невыносимо заносчивыми, третировавъ молодыхъ товарищей на подобіе своихъ смертельныхъ враговъ. А на самомъ-то дѣлѣ, что такое была эта война въ сравненіи съ русской? Травля зайцевъ, не болѣе! Теперешняя служба—одно удовольствіе: поумнѣли люди, и уже не быть прежнимъ варварскимъ издѣвательствамъ....

Сидѣвшіе впереди оратора трое юношей жадно прислушивались къ потоку его важныхъ рѣчей.

.....
Незамѣтно прибыли въ г. Сакура.

2. Тревожная ночь.

Настали сумерки, и пришлось позаботиться о ночлегѣ, но, куда ни заглянешь, всѣ гостиницы биткомъ набиты, а у входа надпись: «занято новобранцами NN уѣзда». Самому бы ничего, но жалко до нестерпимости стариковъ.

Посоветовавшись съ отцомъ и узнавъ въ ближайшемъ магазинѣ иностранныхъ вещей (гдѣ, между прочимъ, въ виду пере-

полненности гостиниць, мнѣ на крайній случай былъ любезно предложенъ уголокъ) адресъ самой большой гостиницы Ионекинъ, отправляюсь туда.

— Не примете ли на одну эту ночь?

— Очень жаль, но, какъ видите....

— Это ничего, понимаю: я самъ завтра поступаю въ полкъ и до сихъ поръ все искалъ, не найдется ли особой гостиницы для вольноопредѣляющихся, но повсюду вижу лишь ярлычки такихъ-то и такихъ уѣздовъ. Право, я теперь очень стѣсненъ. Можетъ быть, какъ-нибудь пристроите насъ: на углу вотъ еще ждутъ и родители мои.

Хозяйка сразу перемѣнилась.

— Ого, тогда вамъ дѣйствительно плохо.... Сюда пустить нельзя, обойдите съ переулка.

«Подѣйствовало, должно-быть, слово вольноопредѣляющійся», подумалъ я.

Выбѣжавшая навстрѣчу горничная провела насъ въ исключительно прекрасный номеръ.

Обрадовались мы всѣ, пошутили и принялись за поданную ѣду, но тутъ же вспомнилось, что уже не скоро опять сидѣть намъ втроемъ за столомъ, и снова нахлынули грустные мысли.

— Береги здоровье, сыночекъ; будь счастливъ на службѣ!

Не разъ уже приходилось слышать подобныя слова, но въ эту ночь они какъ-то особенно глубоко запечатлѣлись въ сердцѣ.

Не спалось. Во второмъ этажѣ новобранцы какого-то уѣзда проводили шумно ночь: гремѣли народныя пѣсни, слышались любовные мотивы.

Дурацкое веселье послѣдней ночи!

3. Первый день въ казармѣ.

Сборъ назначенъ къ 9 часамъ слѣдующаго утра.

Выйдя на улицу, видимъ объявленія: «Новобранцамъ направиться на учебный плацъ». Уже шествуютъ туда группами, подъ предводительствомъ писарей волостныхъ правленій. Я присоединяюсь къ хвосту одной изъ колоннъ.

Мѣстность около Сакура волнистая, лѣсистая и, вообще, богата перемѣнными ландшафтами. Меня это значительно ободрило: все же ученіе интереснѣе будетъ здѣсь, нежели на монотонномъ

Аоямаскомъ военномъ полѣ въ Токио. Учебный плацъ дощечками разбитъ по уѣздамъ; не нахожу только опять пріюта для одногоднихъ вольноопредѣляющихся. Горькая обида заговорила во мнѣ, и я отошелъ на восточную окраину поля, гдѣ опустился на корни могучей сосны. Тамъ же присѣли и мои родители. Вслѣдъ за мною постепенно здѣсь собралось еще 5—6 человекъ: всѣ—вольноопредѣляющіеся.

Черезъ нѣсколько времени показались трое фельдфебелей.

— Господа вольноопредѣляющіеся! Переходите, пожалуйста, къ вызывающему ваши фамиліи.

При перекличкѣ оказалось трое неявившихся.

Когда наши партіи были построены (я оказался въ головной), тѣ же фельдфебеля повели насъ въ казармы, расположенныя на западной границѣ поля среди деревьевъ, такъ что издали виднѣлись однѣ крыши. Прибывъ на середину поля, я замѣтилъ множество четырехугольныхъ зданій, вылитыхъ какъ бы изъ бобоваго желе нлюсь окна и крыши. Хотя все въ чистотѣ, но какая-то безвкусица кругомъ. Наша партія остановилась у одной постройки, передъ которой на циновахъ была выложена цѣлая груда старой военной одежды и фуражекъ.

— Попрошу одѣть подходящую по фигурѣ форму!

Пожелавъ, съ присущимъ всякому стремленіемъ, одѣться поприличнѣе, я сталъ пересматривать комплекты, но былъ глубоко разочарованъ, ибо и мѣрка не по мнѣ, да и заплатъ масса, притомъ нерѣдко изъ сукна совсѣмъ другого вѣка и оттѣнка. Пришлось остановиться на чемъ-то, болѣе или менѣе подходящемъ. Теперь я только постигъ, что иногда необходимо подгонять фигуру подъ костюмъ, а не наоборотъ; такое открытіе для насъ, маменькиныхъ сынковъ, весьма полезно.

Какъ только мы одѣлись, приставленный къ намъ отнынѣ ефрейторъ произнесъ:

— Слѣдовать за мною!

Слова эти, по сравненію съ предыдущими вѣжливыми обращеніями фельдфебеля, меня какъ-то покоробили. Насъ повели въ баракъ, надъ которымъ я прочелъ надпись «Третья рота». Приказали снять сапоги, хотя, по-моему, ради такой грязноватой дощатки собственно и не зачѣмъ было это продѣлывать, и повели далѣе по лѣстницѣ къ камерѣ, надъ которой опять висѣла дощечка съ іероглифами: «Отдѣлъ вольноопредѣляющихся».

Внутри камеры, вдоль дощатой перегородки, ряд деревянных кроватей съ красными одѣялами и бѣлоснѣжными простынями. Ефрейторъ опять:

— Передъ кроватями имѣются таблички съ вашими именами: потрудитесь занять свои мѣста!

Моя кровать оказалась второю слѣва. Помѣщеніе было 2×6 сажений, отгороженное тонкою стѣнкою отъ слѣдующей камеры, въ которую велъ широкій прорѣзъ (футовъ до 9); дверей не имѣлось. Къ стѣнкѣ прибита полка, на которой 2—3 комплекта сложенной аккуратными четырехугольниками старой одежды, а рядомъ чашка для чаю и палочки для ѣды; подъ полкою повѣшены 2 пары старыхъ сапогъ, холщевый мѣшокъ и 2 пары гетръ. Пока я оглядывалъ камеру, ефрейторъ откуда-то приволокъ цѣлую груду старыхъ сапогъ и, съ громомъ бросивъ ихъ на полъ, приказалъ намъ выбрать по парѣ подходящихъ къ ногѣ. Сколько я ни старался, для меня всѣ они оказались большими. Въ недоумѣніи обращаюсь къ ефрейтору и получаю слѣдующій отвѣтъ:

— Не такъ-то ужъ и легко въ полку! Потерпите немного, скоро всѣмъ выдадутъ новые сапоги. Есть вѣдь и такіе, кто жалуется на то, что малы сапоги, такъ что ваше дѣло, выходить, еще и не такъ-то плохо.

Взявъ потомъ висѣвшій подъ полкою мѣшокъ и вываливъ содержимое его на кровать, ефрейторъ началъ:

— Смотрѣть всѣмъ сюда! Итакъ, вотъ этотъ висящій подъ вашею полкою холщевый мѣшокъ называется «вещевымъ мѣшкомъ». Въ немъ вы увидите всевозможные предметы. Примѣрно, сіе есть сапожная щетка, а вотъ это—суконная: та вся изъ чернаго волоса, а эта съ бѣлыми полосами. Понять это легко. Далѣе, вотъ вамъ треугольная щетка: ею накладывается мазь на сапогъ, которую потомъ нужно растирать сапожною щеткою.

Послѣднее поясненіе было любезно дополнено демонстрированіемъ на практикѣ функціи обѣихъ щетокъ. Засимъ, ефрейторъ взялъ съ кровати нѣчто подобное книжной закладкѣ и продолжалъ:

— Дощечка для чистки по утрамъ пуговицъ (опять опытъ).

Дошелъ до маленькаго мѣшечка, похожаго на иностранный конвертъ.

— Это называется «ласточкинымъ ртомъ» и содержитъ приборъ для шитья: во-первыхъ, вотъ шило-мотовило съ нитками пяти цвѣтовъ; если на него надавить такъ—получимъ шило, а этакъ—

выйдутъ иголки (восторженные опыты). Есть здѣсь еще ножницы и гребешокъ отъ перхоти.

Послѣ этого слѣдовали поясненія, что находящіеся подъ полкою сапоги называются «смѣнными сапогами» и одѣваются они въ случаяхъ порчи обыкновенно носимыхъ, что гетры обязательно называются холщевыми обмотками, рубашки—натѣльниками, кальсоны—подштанниками, и тому подобныя изощренія на какомъ-то странномъ жаргонѣ.

Въ заключеніе всего мы были научены, что ближайшій по кровати сосѣдъ cadaго называется боевымъ товарищемъ. На войнѣ въ случаѣ смерти одного боевого товарища, другой долженъ подобрать его кости, а въ мирное время они взаимно выручаютъ другъ друга. Моимъ компаніономъ оказался іюкогамаецъ Като, повидимому, парень развитой, но меня сразу какъ-то оттолкнуло его происхождение изъ портового города.

Тѣмъ временемъ пришли мои родители и сопровождавшіе Като, и мой отецъ передалъ содержаніе рѣчи офицера, обращенной къ роднымъ новобранцевъ. Выходило, что полкъ—какой-то блаженный уголокъ міра сего!

Настала обѣденная пора. Откуда-то доставили запыленный, безкрышечный поднось съ 11 грязненькими облѣзлыми рисовыми коробочками и 11 тарелками приправъ. Рись съ значительною примѣсью ячменя, можетъ быть, въ отношеніи $\frac{2}{3}$, а то и $\frac{5}{6}$; приправы съ виду прекрасныя и въ изобиліи: котлеты, бобы въ сахарѣ, вареный лотосовый корень, вареная рѣпа, но котлеты жестки, какъ щепки, и челюсти болятъ при разжевываніи.

Послѣ обѣда какъ мои родители, такъ и сопровождавшіе Като распростлились и ушли домой.

Въ первомъ часу дня получилось приказаніе собраться во дворѣ казармъ на присягу, и новобранцевъ построили около накрытаго красною скатертью столика. Черезъ нѣкоторое время вышелъ бравый усачь-капитанъ, за нимъ одинъ поручикъ, три подпоручика, одинъ фельдфебель-прапорщикъ и одинъ фельдфебель. Капитанъ направился къ столику, орлинымъ взглядомъ окинулъ насъ и торжественнымъ голосомъ началъ:

— Совершаю обрядъ присяги.

Досталъ засимъ какой-то писанный листъ и продолжалъ:

— Войска назначены для проявленія могущества его величества и охраны отечества, а посему....

Дальнѣйшаго текста я тогда не понялъ и только впоследствии изъ словеснаго курса узналъ, что говорилось тамъ о вѣрнопреданности, повиновеніи начальникамъ, храбрости и тому подобныхъ 6 статьяхъ воинской доблести.

Когда капитанъ окончилъ, былъ вызванъ впередъ одинъ изъ вольноопредѣляющихся въ качествѣ представителя всѣхъ присягающихъ. Капитанъ передалъ ему листъ, указалъ пальцемъ на извѣстное мѣсто и приказалъ читать вслухъ.

— Клятвенно обязуемся не нарушать вышеизложенныхъ статей...

Потомъ, выходя по очереди впередъ, мы прикладывали на оборотѣ присяжнаго листа подъ своими фамиліями оттиски большихъ пальцевъ.

Опять торжественно раздался голосъ капитана:

— Сейчасъ вы всѣ сдѣлались членами императорской арміи. Сегодня, 1-го декабря, вашъ военный день рожденія. Отнынѣ, слѣдуя указаніямъ начальниковъ и строго исполняя ихъ приказанія, вы должны стать прекрасными воинами. Жившимъ до сихъ поръ своевольно въ деревнѣ, вамъ строго регулированный режимъ полка, быть можетъ, сначала покажется нѣсколько труднымъ, но, освоившись, вы сами будете ему рады. Слѣдите во всемъ указаніямъ ефрейторовъ—начальниковъ своихъ отдѣловъ и старательно исполняйте долгъ солдата, на славу государя императора и безопасности отечества, ни въ чемъ не роняя чести воина его величества!

Послѣ присяги намъ были показаны разныя службы части, штабы полка, баталіона, солдатская лавочка, баня. Вернулись въ баракъ около 3½ ч. Здѣсь ефрейторъ обратился къ вольноопредѣляющимся со своею «рѣчью».

— Такъ какъ я, значить, теперь вашъ учитель, то хорошенько запомните себѣ это. Какъ говорилъ господинъ капитанъ, вы—новорожденные солдаты и, какъ бы умны вы ни были у себя, въ полку вы настоящіе младенцы. Я же, какимъ бы ни былъ неучемъ, здѣсь—вашъ начальникъ. Если до присяги это и ничего не значить, такъ теперь, каковъ бы дуракъ ни былъ, я—вашъ начальникъ, да и только. Такъ и знайте, что вы мои подчиненные!

Вспомнилось, что въ гимназій и высшей подготовительной школѣ я уже обучался военному строю и былъ даже взводнымъ командиромъ, а теперь такой ефрейторъ будетъ моимъ учителемъ!...

Немного спустя, скребя полъ соломенными сандаліями, появилась съ заложеными въ карманы руками фигура младшаго унтеръ-офицера. При видѣ ея ефрейторъ заоралъ неистовымъ голосомъ «смирнааа!» — Не беспокойтесь, не беспокойтесь! чрезвычайно важно отвѣтила фигура, и снова раздалась громовая ефрейторская команда «вольнааа!»

— Ну что! Каково въ полку? Вотъ со временемъ узнаете разные вещи, интересно будетъ на полевыхъ занятіяхъ, а когда при походахъ будемъ ночевать гдѣ-нибудь, такъ со всѣхъ сторонъ «душка-военный, господинъ солдатъ!»... Адски лестно? А!

Сталъ опрашивать по одному о социальномъ положеніи и прежнихъ занятіяхъ. Были по большей части лишь окончившіе гимназію, но трое нашлись съ законченнымъ образованіемъ: юристъ Купли изъ университета Васеда, коммерсантъ Абе изъ высшаго коммерческаго училища и техникъ Ямамото.

Подошелъ ко мнѣ.

— Ты изъ какого училища будешь?

— Филологъ университета.

— Что? Филологъ? Развѣ есть такой университетъ?

— Есть въ Хонго—Токио: императорскій университетъ; кончилъ я курсъ факультета англійской словесности.

— Ум... Съ «Красныхъ воротъ», значить. Такъ сразу и надо было сказать. Въ полку все равно, какое образованіе: тyani свой годъ ляжку—вотъ и все.

По уходѣ унтеръ-офицера, ефрейторъ представилъ намъ его, какъ господина начальника всего отдѣла, господина младшаго унтеръ-офицера Васинума.

Засимъ, въ виду отсутствія особыхъ занятій, мы всѣ принялись за письма къ роднымъ и друзьямъ.

Въ 5 ч. раздалась труба и одновременно команда ефрейтора:

— 3 человекъ съ праваго фланга со мною за ужиномъ!

Ѣда теперь оказалась еще на одну степень ниже обѣденной. По окончаніи ея, ранѣ назначенные 3 очередныхъ собрали посуду и отнесли, а остальнымъ было приказано тѣмъ временемъ произвести основательную уборку. За водою были наряжены 2 человекъ, такъ называемые, внутренніе дневальные.

Когда стемнѣло, внутреннему дневальному было приказано зажечь фонарь; при этомъ случаѣ мы услышали, что по-военному столъ называется не тебуру (англ. table), а тафуру (нѣм. Tafel).

Было порядочно холодно, когда мы съезжились около «тафуру» на словесныя занятія. Вынесли изъ нихъ мы, что всѣ чины отъ ефрейтора до полковника рядовыми титулуются *господиномъ* (благородіемъ), генеральскіе чины—*превосходительствами*, а члены императорской фамиліи—*высочествами*, и что нельзя говорить *я, да*, а непременно *самъ, такъ точно*. Въ заключеніе всего ефрейторъ съ улыбкою прибавилъ:

— Итакъ, отнынѣ при обращеніи ко мнѣ называть меня «господинъ ефрейторъ»!

Спустя нѣкоторое время на лѣстницѣ послышался стукъ сапогъ и лязгъ сабли. Насторожился даже ефрейторъ и, когда какой-то силуэтъ показался въ комнатѣ, гаркнулъ изо всей мочи:

— ...таать!

Видя вытянувшуюся, какъ бы проглотивъ аршинъ, замершую фигуру ефрейтора, мы инстинктивно привстали.

— Вольно! произнесъ силуэтъ, прошелъ къ столу и сѣлъ напротивъ ефрейторскаго мѣста. По звѣздочкѣ на правой петлицѣ, фельдфебельскому погону и офицерскому эфесу сабли я узналъ теперь въ пришедшемъ подпрапорщика (окончившаго военное училище).

— Ефрейторъ! внушительнымъ голосомъ началъ силуэтъ.

— Ха.

— Объяснилъ ли уже ефрейторъ вольноопредѣляющимся способности отданія чести?

— Никакъ нѣтъ еще.

— Какъ же можно до объясненія отдавать команды *такимъ* голосомъ? Не надо балдѣть. Хорошо, вольно!

Ефрейторъ занялъ свое мѣсто.

— Вольноопредѣляющіеся! Приказомъ я назначенъ вашимъ обучающимъ. Я—подпрапорщикъ Кендзиро Окадзаки. Какъ уже было сказано господиномъ командиромъ роты, вы въ военныхъ дѣлахъ неопытны и поэтому во всѣхъ случаяхъ должны слѣдовать указаніямъ своихъ начальниковъ. Въ отличіе отъ гражданской жизни, въ полку все ведется по строго опредѣленному закону порядку, и, каково бы ни было ваше положеніе до сихъ поръ, пока вы здѣсь будете имѣть только одну звѣздочку на погонѣ, всѣ—ваши начальники. Вамъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ давать волю прежнимъ привычкамъ. Болѣе того, вы всѣ—будущіе офицеры и должны быть вдвойнѣ осмотрительными, служба хорошимъ примѣромъ для остальныхъ солдатъ.

«Съ этимъ парнемъ можно поговорить», подумалось мнѣ.

.....

Передъ вечернею переключкою еще разъ произвели уборку и внутренніе дневальные отнесли сорь. Засимъ, по сигналу рожка, ефрейторъ приказалъ намъ построиться, расчитаться по номерамъ и стоять вольно, пока опять не появилась фигура въ соломенныхъ сандаляхъ, съ заложенными въ карманы руками.

— Смирно! Въ камерѣ вольноопредѣляющихся по списку—11, налицо—11. По порядку номеровъ—расчитайсь!

Когда лѣвофланговый назвалъ десятый номеръ, ефрейторъ:

— Плюсь самъ: всѣ налицо.

Господинъ Васинума буркнулъ только свое ум...

Слѣдующимъ явился еще съ фонаремъ въ рукѣ какой-то офицеръ въ сопровожденіи одного унтеръ-офицера. Его встрѣтилъ унтеръ-офицеръ Васинума, и опять была продѣлана предыдущая процедура.

Вскорѣ прозвучалъ сигналъ тушить огни, и обитатели казармы, кто съ какими мыслями, постепенно погрузились въ сонъ.

4. Начинаются занятія.

На другое утро подъемъ по рожку, плюсь ефрейторскій голосъ изъ кровати. Наскоро одѣвшись, построились впереди кроватей на утреннюю повѣрку, на которую прибылъ сопровождавшій вчера офицера унтеръ-офицеръ. Ефрейторъ отрапортовалъ ему, что перемѣнъ не случилось, и на этомъ повѣрка закончилась.

Вычистивъ пуговицы мундира, пошелъ къ колодцу мыться, но тутъ настоящій адъ и безправіе! Доходили до того нѣкоторые старослужащіе, что просто перехватывали начерпанную молодымъ солдатомъ воду... Я кое-какъ помылся въ одной водѣ съ вольноопредѣляющимся Кунии, которому съ трудомъ удалось отстоять свою очередь.

.....

Построились на занятія. Начались они со «стойки смирно». Отдѣленный начальникъ смотритъ съ праваго фланга, ефрейторъ—съ лѣваго. Подходить ко мнѣ.

— № 9!

Я принимаю положеніе, какому насъ учили въ гимназій, но не угодила г. ефрейтору.

— Правую ногу впередь, а—много; правый носокъ внутрь, лѣвый наружу; подтянуть бедра, икры вмѣстѣ; опустить свободно обѣ руки; лѣвое плечо внизъ; подобрать подбородокъ; шею вправо! Такъ... Вольно!

Немного спустя, предсталъ и отдѣленный со своими поправками, противоположными ефрейторскимъ, а въ концѣ концовъ насъ экзаменовалъ подпрапорщикъ, предъявляя, конечно, опять свои особыя требованія.

Раздался свистокъ и голосъ офицера:

— Начальники впередь!

Подпрапорщикъ, отдѣленный и ефрейторъ немедленно подлетаютъ къ офицеру, одновременно приставляютъ ногу и берутъ подъ козырекъ; засимъ, получивъ, должно быть, команду «вольно», въ одинъ тактъ отставляютъ лѣвую ногу, дѣйствуя какъ бы съ электрическими проводами. Мы всѣ увлеклись зрѣлищемъ и совершенно позабыли предыдущее приказаніе подпрапорщика.

Возвратившись, онъ говорить намъ:

— Вольноопредѣляющіеся хитрятъ. Уходя я приказалъ заниматься самостоятельно, но этого никто не дѣлалъ. Что за колоссальная лѣность! Смотрите мнѣ, если вы такъ, то и намъ придется принять мѣры...

Далѣе отдѣленный начальникъ приказалъ стоять всѣмъ вольно и показалъ намъ приемы поворотовъ, послѣ чего опять началась одиночная повѣрка съ обѣихъ фланговъ. Я никакъ не могъ постичь секрета поворачиваться и, мучимый отдѣленнымъ, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Скажите же, въ чемъ здѣсь сноровка?

Искра упала въ порохъ.

— Что такое? Сноровка? Какая тамъ сноровка? Духъ въ тебѣ скверный, распущенный ты у меня!

И со словомъ «писарь!» онъ ударилъ меня по щекѣ. Всѣ испугались, а у меня отъ обиды и боли застыла кровь и потекли съ рѣсницъ слезы.

Черезъ нѣсколько времени опять свистокъ. Теперь на очереди объясненія о шеренгѣ и колоннѣ, интервалѣ и дистанціи, а послѣ этого принялись за смыканіе и размыканіе. Въ заключеніе всего былъ данъ «естественный» шагъ въ ногу. Исполненіе его было объяснено отдѣленнымъ слѣдующимъ образомъ: движеніе начинается съ лѣвой ноги, которую нужно приподнять бедромъ па-

раллельно землѣ и вертикально отъ колѣна внизъ; затѣмъ, выпрямивъ въ колѣнѣ, ставить на землю всю ступню; потомъ такимъ же путемъ поднимается правая нога и т. д. поочередно. Вмѣстѣ съ передвижаніемъ ноги нужно попеременно махать руками до высоты плечъ, но сначала по возможности выше. Вотъ этакъ: ать-два, ать-два!

Когда мы зашагали, отдѣленный и ефрейторъ, съ видомъ курицы, высидѣвшей утенка, шныряли около насъ, колотя по невытянутымъ колѣнямъ и ругая тѣхъ, кто ступалъ каблукомъ. Получился какой-то танецъ папуасовъ, и на улицѣ городской навѣрно арестовалъ бы шагавшаго «естественнымъ» шагомъ и отвелъ бы его въ желтый домъ. Мучительна была для непривычныхъ ногъ эта маршировка; и потъ градомъ катился со всѣхъ.

Минуть черезъ 30, по свистку, офицеръ прекратилъ шаганіе и далъ 15 минутъ отдыха. Въ этотъ моментъ отдѣленный скомандовалъ:

— Поднять руки тѣмъ, кто сразу послѣ команды «стой» стали озираться по сторонамъ и внизъ!

Оказалось двое такихъ.

— Кто? Назвать себя официальнымъ именемъ! Остальные вольно!

Послѣ повтореннаго грознаго вопроса одинъ отвѣтилъ:

— Аояги Наотаро.

— Дуракъ! Это—твоя обыкновенная фамилія и имя, а приказано было назвать себя по официальному.

Такъ какъ оба все еще молчали, то и ефрейторъ вставилъ отъ себя:

— Ну и дураки вы, что не знаете даже своего официального имени.

Наконецъ, отдѣленный разрѣшилъ задачу, и сразу послышались два отвѣта:

— 2-го разряда рядовой армейской пѣхоты Аояги Наотаро.

— 2-го разряда рядовой армейской пѣхоты Ямамото Мицу.

Для Аояги и Ямамото занятія пошли дальше.

Свистокъ.

— Ко мнѣ! скомандовалъ съ лѣстницы офицеръ, и въ одно мгновеніе команда вольноопредѣляющихся и 3 ротныхъ группы выстроились полукругомъ около него. Послѣ команды «вольно!» не получилось одной ноги и послѣдовало «отставить». Упражнялись нѣсколько разъ, пока услышали:

— Хорошо! Теперь приступаю къ словеснымъ занятіямъ.

Офицеръ окинулъ молодыхъ солдатъ взглядомъ и началъ:

— Если вы будете писать домой, то какъ вы назовете свое теперешнее мѣсто пребыванія? Кимата, ты какъ думаешь?

Молчаніе.

— Кимата! Тебя спрашиваю...

— Ха-й.

— Развѣ такъ отвѣчаютъ по-военному? Нужно говорить громко, коротко и внятно, Кимата!

— Ха!

— Ну, какъ будешь писать?

— Хай.

— Да отвѣчай же!

— Не знаю.

— Не знаешь! Вотъ такъ разъ: человѣкъ не знаетъ самъ, гдѣ онъ... Ну а ты, Киуци, какъ?...

Кое-какъ выяснивъ адресъ, офицеръ сказалъ простую рѣчь о вѣрнопреданности и патриотизмѣ, на чемъ словесность кончилась. Прорепетировали стойку, повороты и маршированіе, и въ 11 ч. утра прекратили дообѣденныя занятія.

Тутъ опять на меня набросился ефрейторъ съ выговоромъ, потому что я не доложилъ ему о полученномъ на занятіяхъ взысканіи, и при этомъ случаѣ наговорилъ мнѣ массу тяжелыхъ вещей для будущаго.

Не успѣлъ я отойти, какъ ефрейторъ опять:

— Почему вольноопредѣляющійся Коике не помогаетъ своему боевому товарищу? (Оказалось, что, пока ефрейторъ «цукаль» меня, Като одинъ, подводя меня, пошелъ за водою, но на лѣстницу самъ взобраться не могъ).

Послѣ обѣда мы построились во дворѣ и отправились «естественнымъ» шагомъ на военное поле, находящееся въ 500 шагахъ отъ казармъ. Идти по размякшей дорогѣ было очень трудно, притомъ еще все время преслѣдовали возгласы: «не смотрѣть внизъ! глаза прямо! не слышно счета! ноги выше!» и, что обиднѣе всего, «не хитрить! нарочно не стараются...»

На учебномъ плацу людьми кишмя кишить. Сначала приемы вольной гимнастики были легки и пріятны, но, усложняясь постепенно, дошли до крайне тяжелыхъ. Послѣ свистка перешли къ маршировкѣ, потомъ повторили стойку и повороты; засимъ, дали

15 минутъ отдыха. При возобновленіи занятій взялись за правила для начала движенія и остановки. Я здѣсь только понялъ, какъ полезно было бы, если бы мы уже въ гимназіи и высшей подготовительной школѣ обращали больше вниманія на занятія военнымъ строемъ.

Вечернія занятія закончили въ 4 часа, и опять «естественнымъ» шагомъ пошли домой. Липкая, красная грязь такъ пристала къ сапогамъ, что было труднѣе вычистить ихъ, нежели оторвать другъ отъ друга пару влюбленныхъ.

5. Въ полковой чайной.

Въ баракѣ кто-то предложилъ пойти посмотрѣть на полковую чайную; сговорились и пошли. Встрѣтилъ насъ удручающій видъ: въ угрюмомъ углу какой-то сарай безъ потолка, на подобіе пассажирскихъ залъ 3-го класса на желѣзныхъ дорогахъ; въ немъ штукъ десять столовъ, а за ними какіе-то мрачные субъекты, жадно и шумно объжирающіеся вермишелью, сладкими лепешками, сухарями. Воздухъ пресыщенъ какимъ-то тяжелымъ гуломъ отъ возгласовъ, на подобіе слѣдующихъ.

- Эй, мнѣ 2 блюда сладкаго бобоваго печенія!
- Вермишели 3 чашки. Я раньше!
- Не толкать!
- Эта скотина позже пришла! Ишь, грубияны!...

Видя все это, я долго стѣснялся подходить къ лаеочкѣ: «обругаютъ вѣдь опять ни съ того, ни съ сего», думалось мнѣ. Но, приобрѣвъ деревянный чекъ, дѣлать нечего, подошелъ, такъ какъ, по правиламъ чайной, никакіе предметы изъ нея выносятся не могутъ. Чтобы не показаться смѣшнымъ, я прибѣгъ къ помощи неполнаго предложенія.

— Семь сенъ сладкаго хлѣба...

Какой-то важный старослужащій досталъ цѣлую гору товара (оказалось, внѣ ожиданія, что на 1 сенъ идутъ 3 хлѣбца).

— Дай, куда вложить!

Я подалъ карманный платокъ. Буфетчикъ посмотрѣлъ на него свернулъ и бросилъ мнѣ обратно.

— Маль, не годится. Фуражку давай, фуражку!

Взялъ я покупку и присѣлъ къ Кунии, который, выстроивъ въ

рядъ 4 блюда вермишели, по очереди уплеталъ ихъ содержимое. Но и этотъ здоровый парень, увидя мой грузъ, испугался.

— Неужели одинъ вы хотите все уплести?

Я пояснилъ въ чемъ дѣло, но беспокоиться долго не приходилось. Откуда-то выросла передъ нами гордая фигура г. ефрейтора.

— Я тоже пришелъ пожать чего-нибудь, но у билетчика слишкомъ густо. Уу, у вольноопредѣляющагося Коике какая уйма! Не взять ли и мнѣ одну штучку?

Мы оба оторопѣли отъ неожиданности, но ефрейторъ, насколько не стѣсняясь, уже протянулъ свою медвѣжью лапу.

— Вкусенъ, однако, въ полковой чайной хлѣбъ, сказалъ онъ и проглотилъ еще нѣсколько штукъ.

Сборъ на ужинъ.

— Г. ефрейторъ! «Самому» пора идти.

— Такъ-съ, а съ хлѣбами какъ? (Осталось около десяти штукъ).

— Не нужно, оставлю здѣсь.

— Развратъ! Такъ ужъ лучше я заберу.

Мы только переглянулись съ Кунии, а г. ефрейторъ тѣмъ временемъ набивалъ себѣ карманы брюкъ и мундира.

Послѣ ужина опять уборка. Принесли намъ 2 метлы, 10 паръ дешевыхъ сандалій и 3 жестяныхъ ведра для воды. Потомъ мы узнали, что отнынѣ въ это время каждый вечеръ г. подпрапорщикъ будетъ заниматься съ нами по словеснымъ предметамъ.

До повѣрки осталось около 30 минутъ. Вольноопредѣляющіеся собрались около холодного угольника и стали перебирать сегодняшнія впечатлѣнія. Кто-то изъ нихъ замѣтилъ, что г. ефрейтору, молъ, недурно живется, а упомянутый вдругъ тутъ какъ тутъ.

— Это обыкновенное дѣло, но имѣйте въ виду, что я съѣлъ на 1.095 порцій больше риса здѣсь, чѣмъ вы, сказалъ онъ перемѣнившимся товарищескимъ тономъ.

— Ваши, вотъ, знанія куплены за деньги, ибо если имѣешь средства, то можно сдѣлаться какимъ-угодно ученымъ, а здѣсь не то! Въ полку такой звѣздочки не купишь ни за какія деньги. Нелегко заслужить такія три звѣздочки.

Кунии воспользовался случаемъ.

— Но, г. ефрейторъ, какъ же такъ, когда я самъ за 105 іень купилъ свою звѣздочку?

Ефрейторъ обиженно и не особенно удачно отвѣтилъ:

— Это такъ, но дальше уже за деньги не купить!—и возненавидѣлъ Кунии.

(Продолженіе слѣдуетъ).

